

АГРАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 33.001.301.152

В.А. Шешин

ОБИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Еще на рубеже XX в. британский профессор Джон Нэвил Кейнс (отец знаменитого Джона Мейнарда Кейнса) в книге «Метод политической экономии» разделил содержание экономической науки на две части: позитивную и нормативную. Позитивная экономическая наука должна была изучать «то, что есть» реально и объективно. Нормативная же наука сосредоточивала свое внимание на «том, что должно быть». С тех пор позитивная (познавательная, теоретическая) и нормативная (практическая) функции экономической теории стали общепризнанными. Вместе с тем представители классического направления политической экономии выделяют методологическую, мировоззренческую функцию экономической теории. Это связано с тем, что классическое течение экономической мысли считает экономическую теорию общественной наукой. И потому как часть общественной науки она не может быть обособлена от других наук об обществе, не может не подвергаться их воздействию. Она не свободна от мировоззренческих представлений, господствующих в обществе. Мировоззренческая функция тесно связана с идеологией, т.е. с системой политических, правовых, нравственных, религиозных, философских взглядов,

отражающих интересы различных групп людей.

В противовес классикам основатели и адепты неоклассической теории - «экономикса» - представляют ее не связанной с социальными процессами, деидеологизированной «чистой» наукой подобно физике, математике или биологии. Собственно, неоклассика и зародилась как альтернатива классической политической экономии, которая вскрывала сущность социально-экономических отношений буржуазного общества, отношений классового неравенства и эксплуатации человека человеком. Наука, обнажающая пороки капитализма, обосновывающая его историческую обреченность, конечно, не нужна была экономически господствующему классу, и его представители достаточно богаты, чтобы ангажировать и содержать ученых, ориентированных на оправдание и незыблемость капиталистического способа производства. Вовсе не случайно «экономикс» появился в конце XIX в., вскоре после выхода «Капитала» Маркса, Парижской Коммуны, образования 1-го и 2-го Интернационала, возникновения организованного социал-демократического движения, отстаивавшего и защищающего интересы трудящихся.

Поскольку классическая политическая экономия была теоретической основой международного рабочего движения, буржуазии потребовалась другая экономическая теория, которая якобы отвечала интересам всех, а именно: изучала поведение людей в процессе эффективного использования ограниченных ресурсов в целях удовлетворения жизненных потребностей. Вот такой наукой был объявлен «экономикс», в основе которого заложены два постулата. Первый, что индивид в своем поведении действует рационально. И второй, что он стремится максимизировать свое благосостояние. И на этом зыбком основании вяжутся математические расчеты и графические построения, вроде бы придающие «экономиксу» логически стройный универсальный характер. На первый взгляд может показаться, что эти допущения действительны для всех людей без исключения и потому не могут служить идеологической базой для какой-либо группы или класса. Но, как справедливо заметил проф. Ю.Я. Ольсевич, «аксиомы «мэйнстрима» постоянно подвергаются сомнению. Постулат рациональности подтверждается лишь отдельными фактами практики, а в большинстве случаев он им противоречит - полностью или частично. Понятие же «индивидуальное благосостояние» не имеет общепризнанного содержания, а значит, любые действия человека могут трактоваться как направленные на максимизацию его благосостояния» [6, с. 90].

Утверждение западных и отечественных представителей современного «мэйнстрима» о том, что экономическая теория является свободной от идеологии, универсальной, «чистой» наукой — не более чем лукавство. Еще в 60-е годы известный американский экономист Джон Гэлбрейт подметил, что неоклассическая экономика, имея в себе действительно научное содержание, позволяющее понять некоторые сферы экономической жизни, постепенно приобрела, однако, специфическую социальную функцию — «быть ширмой, скрывающей власть крупных корпораций» [5, с. 27-28]. В дальнейшем, в 70-80-е годы XX в., Гэлбрейт подвергает «экономикс» серьезной критике за излишнюю

абстрактность и уход от анализа социально-политических процессов. В статье «Экономическая теория как система верований» (1971 г.) он писал, что «экономикс», оставаясь в узких рамках рыночного микро- и макроанализа, абстрагирующегося от реальностей социально-политической жизни, перестает быть наукой и превращается «в консервативно используемую систему верований» [1, Т. IV, с. 227]. Свои подходы и оценки Д.-К. Гэлбрейт развил в изданных им позднее учебниках по истории экономической теории «Экономическая теория в перспективе» и «История экономической теории: связь прошлого с настоящим» (1987 г.).

Аналогичные идеи высказывает американский экономист и историк Роберт Хайлбронер. Он утверждает, что экономическая теория, в т.ч. в ее неоклассическом варианте, в принципе не может быть свободной от идеологии, другое дело, признает ли она это открыто [1, Т. IV, с. 228]. По Хайлбронеру, «экономическая наука является не нейтральной, а системой объяснения капитализма, несущей в себе идеологический заряд. При этом идеологическая функция экономической науки — это не узкая апологетика, сознательно служащая лишь собственным интересам, а мировоззренческая система, сопровождающая и поддерживающая все социальные порядки» [7, с. 31].

Однако несмотря на серьезную критику «экономикса» со стороны ряда выдающихся западных ученых, как отмечает проф. Майкл Эллман (Амстердамский университет, Нидерланды), «в сегодняшнем мире доминирует неоклассическая экономика. Ее преподают в большинстве университетов мира. Ее приверженцы получают Нобелевские премии. К ней серьезно относятся правительства, международные и финансовые организации» [2, с. 82].

Почему же капитализм поддержал маргинально-неоклассическую теорию предельной полезности еще в начале XX в. и обеспечил ей статус «мэйнстрима» в настоящее время, хотя в современных условиях неоклассическая парадигма в значительной мере исчерпала свои возможности и превратилась, по оценке Нобелевского лауреата

Дж. Стиглица, в «ответшавший рыночный фундаментализм», в «новую религию» [8, с. 166]? Да потому, что капиталу совершенно невыгодно, чтобы широкие народные массы знали что-либо об источниках его богатства. Капитал никогда не признавал и сейчас не признает эксплуатации человека человеком. А маржинализм (а затем и неоклассика в целом) как раз и отрицает классическую политэкономическую теорию, обнажающую капиталистическую эксплуатацию: примат производства, трудовую теорию стоимости, двойственный характер труда, теорию прибавочной стоимости. «Экономикс» обходится без этого знания, потому и угоден капиталу. Так что же это, если не идеологическое обеспечение неоклассической экономической теорией интересов капитала? Вряд ли можно сомневаться в том, что и впредь капитал и обслуживающие его политические силы будут поддерживать и обильно питать всю неоклассическую линию экономической теории и за рубежом, и в нашей стране.

Что касается нашей страны, то слепое следование ее правящих кругов неоклассической догматике в последние полтора десятилетия привели, по оценке проф. С.С. Дзарасова, к экспроприации народной собственности криминальным капиталом, баснословному обогащению его представителей, но никак не к модернизации страны и ее выдвигению в разряд развитых государств. Безоговорочно принятая нами экономическая теория — «экономикс», которой мы теперь обучаем нашу молодежь, на поверку оказывается, несмотря на свою математическую и графическую элегантность, «носит не столько научный, сколько идеологический характер. Положенная в основу наших рыночных реформ, она больше всего явилась идеологическим оправданием грабежа и господства одних над другими» [4, с. 9].

Исторический опыт свидетельствует, что социальная наука, к которой относится и экономическая теория, не может быть деидеологизированной и аполитичной. Конечно, тот или иной ученый может утверждать, что он в своих исследованиях не руководствуется каким-либо идеалом или системой оценочных суждений. Но это не что иное, как декларация, каких полно в истории общест-

венных наук и от которых несвободны даже видные представители экономической науки. К примеру, выдающийся экономист и социолог Йозеф Шумпетер во вступлении к его монументальной «Истории экономического анализа» (1954 г.) настаивал на строго автономной природе экономической науки, независимой от политических предпочтений и философско-ценностной ориентации экономистов. Но как справедливо отмечает М. Блауг, этот «образец безоголядного «позитивизма» ... фактически не выдерживается в основной части текста, половина которого отведена историческому повествованию, политической теории и философскому общественному мнению» [3, с. 4].

М. Блауг допускает, «что даже в самом чистом виде экономическая теория неявно содержит политические примеси и в этом смысле работает на политическую пропаганду того или иного типа. Этот элемент пропаганды — неотъемлемая часть предмета», По Блаугу, научные идеи «постоянно включены» в идеологию. И он совершенно прав, когда замечает, что «пропаганда - это не то же самое, что ложь; к примеру сказать, что Карл Маркс хотел дискредитировать капитализм и начал с предубеждений в отношении его недостатков, не означает, что по этой причине его анализ ничего не стоит. Политические предрассудки могут даже помогать научному анализу - критик капитализма, скорее всего, обратит больше внимания на действительные недостатки системы, и, конечно, не случайно замечания того же Маркса по поводу экономических циклов на пятьдесят лет опередили его время» [3, с. 5].

Здесь Блауг стоит на позиции защиты капитализма, тем не менее отдает должное критикам капиталистического строя. Но то же самое можно сказать и в отношении неоклассической экономической теории. Как считает Л.И. Абалкин, «не следует все ее выводы заведомо объявлять вымыслом. В решении целого ряда вопросов буржуазная политическая экономия имеет определенные успехи. К ним относятся проблемы размещения производительных сил, изучение конъюнктуры и спроса, научная организация труда, влияние инвестиций на рост национального дохода, регулиро-

вание производства с помощью механизма цен, налогов и кредита и др.» [1, Т. I, с. 41].

И как Блауг считает, что проблема заключается «в отделении научных идей от идеологии... и в представлении этих идей для научной проверки с целью их утверждения» [3, с. 5], так и Абалкин говорит об умении «различать в буржуазной экономической науке ее апологетическую и рациональную сторону» [1, Т. I, с. 42].

Таким образом, признавая идеологическое противостояние между классической политической экономией и неоклассической экономической теорией, видные представители экономической науки не отрицают позитивных сторон ее противоборствующих течений. Какую позицию в этом противостоянии займет тот или иной исследователь, будет зависеть от того, на какие силы общественного процесса он опирается, чьи интересы отстаивает. «Стоять над схваткой» не получится, придется четко определиться. И поскольку идеологическая функция экономической науки не противоречит истинности или неистинности той или иной теории или ее отдельных положений, то предпочтительнее представляется стать на позиции большинства населения - людей наемного труда. Это, во-первых, в традициях российской интеллигенции защищать униженных и оскорбленных, а во-вторых, соответствует тому уровню капитализма, который у нас сейчас существует. Это не капитализм классового сотрудничества и социального партнерства, провозглашенный на Западе, где он складывался многими десятилетиями в процессе столкновения интересов собственников капитала и людей труда. Современный российский капитализм сродни капитализму эпохи первоначального накопления капитала XVIII-XIX вв. и отличается чудовищной эксплуатацией наемного труда, накоплением колоссальных богатств у немногих компрадорско-олигархов и абсолютным обнищанием, деградацией и вырождением широких народных масс. Значит, сложившиеся в России производст-

венные отношения ведут к нарастанию противоречий между трудом и капиталом и вновь чреваты социальным взрывом, как в 1917 г., когда в ходе революции и гражданской войны пострадали миллионы и погибли многие тысячи людей. И коль скоро в стране прошла мирная реставрация капитализма и провозглашен курс на демократическое развитие, то надо практическими действиями такое развитие обеспечить. И значение экономической теории в достижении этой цели трудно переоценить.

Нравственный выбор ученого, четкое определение его идеологической позиции в защиту человека труда несколько не противоречит его научной добросовестности, не исключает истинности его исследований.

Библиографический список

1. Абалкин Л. И. Избранные труды: в 4 т. / Вольное экономическое общество России; сост. О. М. Грибанова. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000.
2. Абалкин Л. Современное состояние экономического мышления в России / Л. Абалкин // Российский экономический журнал. 2002. № 11-12.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг; пер. с англ., 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994.
4. Дзарасов С. Какая экономическая теория нам нужна? / С. Дзарасов // Экономист. 2005. № 2.
5. Московский А. И. О предмете и методе современной экономической науки / А. И. Московский // Вестник Московского университета (Серия 6. Экономика). 2002. № 3.
6. Ольсевич Ю. Экономическая теория и психогенетика / Ю. Ольсевич // Российский экономический журнал. 2004. № 9-10.
7. Сажина М. А. Экономическая теория: учебник для вузов / М. А. Сажина, Г. Г. Чибриков. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2005.
8. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. М.: Мысль, 2003.

